

Е.П.Дерябина

ТРАДИЦИИ ОБЭРИУТОВ В ДЕТСКИХ СТИХАХ ОЛЕГА ГРИГОРЬЕВА

Рассмотрена детская поэзия Олега Григорьева через призму традиции, сформированной поэтами группы ОБЭРИУ. Поэтика абсурда, характерная для художественного мира Григорьева, а также типичный для его стихотворений герой-чудак отразили влияние традиции обэриутов.

Ключевые слова: Олег Григорьев, Даниил Хармс, ОБЭРИУ, поэтическая традиция, поэзия для детей, абсурд

В последнее десятилетие творчество Олега Григорьева (1943—1992) все чаще становится объектом интереса литературоведов, появляются первые монографии [1]. Исследователи устойчиво связывают поэтику Григорьева с традицией обэриутов (в основном с творчеством Даниила Хармса), подмечая в этой взаимосвязи такие общие черты, как *театральность* [2], *эстетику примитивизма* [3, 4], *«черного юмора»* [5, 6], *абсурда* [7]. Объектом рассмотрения в основном являются условно «взрослые» стихи Григорьева, мы же остановимся на его поэтическом творчестве, ориентированном на детскую аудиторию.

Поэзия Григорьева любима многими поколениями детей и взрослых, несмотря на то, что из-за сложных отношений с советской властью ему удалось опубликовать лишь три сборника стихов: *Чудаки* (1971), *Витамин роста* (1981), *Говорящий ворон* (1989). В сложные исторические времена детская литература зачастую являлась своеобразной отдушиной для непечатаемых поэтов, возможностью выразиться, прибежищем, обеспечивающим минимальные средства к существованию.

Сформировавшись как поэт в ленинградском андеграунде 1960-х гг., Григорьев выражал тенденции неоавангардизма, разрывая с устоявшимися принципами и идеологической направленностью «официальной» детской поэзии (олицетворением которой был Сергей Михалков) и во многом ориентируясь в поэтической системе на творчество обэриутов.

В творческой декларации обэриуты провозглашали новое мироощущение и поэтический язык, для которого был ценен «конкретный предмет, очищенный от литературной и обиходной шелухи» [8, с. 20]. Центральными принципами обэриутов, реализованными в том числе и в их поэзии для детей, были особое внимание к ритму и звуку, игровое начало стиха, словотворчество. Эти черты открывали в детской литературе новые горизонты, обновляли ее язык, освобождали от дидактизма, наполняли детским восприятием мира, «чепухой». Абсурдистский характер творчества обэриутов выражался в примитивизме, нарушении логических связей, релятивности, экспериментах с хронологией, парадоксальности.

Написанные от лица ребенка, стихи Хармса обладают нарочитой примитивностью, отсылающей к фольклорной поэтике, передают мир детской фантазии и особой логики, захлебывающуюся ребячьей интонацией, порыв чистой радости («Уж я бегал, бегал, бегал»..., «Врун», «Кошки», «Все бегут, летят и скачут», «Га-ра-рар!»), нарочито корявые «детские» рифмы («Молодец-испечец»). Гротескные ситуации образуют сюжет стихотворений «В гостях», «Кто кого перехитрил?», «Искала старушка букашек в цветах...»:

Искала старушка букашек в цветах
И ловко ловила букашек сачком.
Но крепко держала старушка в руках
Лекарство и ключик, и палку с крючком.

Однажды старушка копалась в цветах
И вскрикнула вдруг, завертевшись волчком:
— Исчезли! Пропали! Да где ж они? Ах!
Лекарство, и ключик, и палка с крючком!

И с места не может старушка сойти,
Кричит: «Помогите!» И машет сачком.
Скорей помогите старушке найти
Лекарство, и ключик, и палку с крючком! [9]

Как нам представляется, типичный для поэзии Григорьева герой-чудак сформировался во многом под влиянием традиции обэриутов, в которой чудачество было своеобразной формой «социальной внутренней эмиграции» [2, с. 13]. Героя-чудака и фантазера можно найти в детских стихах Д.Хармса («Иван Топорышкин», «Что это было?», «Веселый старичок»), Ю.Владимирова («Чудаки», «Ниночкины покупки») и других обэриутов. В отношении такого типа героя, генетически восходящего к народной смеховой культуре (скоморошеству), наиболее продуктивным жанром оказываются небылицы-перевертыши, активно осваивающиеся как обэриутами, так и Григорьевым.

Герой поэзии Олега Григорьева — мальчишка-озорник, чуткий, наивный, ранимый. Григорьеву интересно детское восприятие мира, еще не замутненное житейской логикой. Типичный сюжет строится на комической или гротескной ситуации, нередко получающей парадоксальное разрешение:

Упал цветок в большом горшке,
Попал мне прямо по башке.
На голове цветочки
Прижились, как на кочке. [10, с. 7]

Другая сущность героя Григорьева — чудаковатый взрослый, оставшийся ребенком, внутренне неустроенный, с грустной иронией глядящий на мир, страдающий от его несовершенства — своеобразное alter ego автора:

Один башмак мой чавкал,
Другой башмак пицал,
Покинуть предложили
Мне танцевальный зал. [10, с. 56]

Абсурд пронизывает весь художественный мир поэзии Григорьева, организуя поэтику и сюжет, проявляясь через бытовые неурядицы: драки, падения, порчу различных предметов, случайный испуг. Досадные и нелепые жизненные ситуации, хорошо узнаваемые, образуют сюжеты стихотворений: закутывание и запутывание в шторах и их падение («Шторы»), невозможность открыть гостю дверь из-за увязших в тесте рук («Песня про тесто»), застывшее скиснувшее молоко, которое нельзя пить («Время»), отключение света во время приготовления обеда («Повар»), прилипший сам к себе юный любитель варенья («Варенье»), неудачное растворение ржавчины кислотой на дверном замке («Кислота»), череда мелких злоключений («Николай вспугнул пчелу...») и т.д.

Я забрался под кровать,
Чтобы брата напугать.
На себя всю пыль собрал.
Очень маму напугал. [10, с. 11]

Герой-ребенок оказывается в быту совершенно беспомощным, но с юмором и творческим подходом встречает нелепость ситуации. Так, если в суп случайно попадает мыло, появляется повод полюбоваться мыльным пузырем; никто не расстраивается из-за невозможности съесть этот суп:

Упало мыло в суп с лапшой.
В котле возник пузырь большой.
— Вот это суп! — кричат друзья.
Красивый суп, да есть нельзя. [10, с.13]

В то же время, несмотря на оптимизм, во взрослом мире ребенок испытывает отчужденность, одиночество, страдает из-за враждебности, несправедливости, безразличия. Так, например, разбившего вазу взрослого не ругают, в то время как ребенка называют обидным словом («Ваза»):

Папа вазу опрокинул.
Кто его накажет?
— Это к счастью! Это к счастью! —
Все семейство скажет.
Ну а если бы, к несчастью,
Это сделал я?
— Ты разиня! Ты растяпа! —
Скажут про меня. [10, с. 12]

Мысль о неуютности для ребенка мира взрослых наиболее декларативно выражена в таком стихотворении Григорьева:

Пусть совсем не будет взрослых,
А одни лишь только дети,
А не то от этих взрослых
Очень тесно жить на свете [10, с. 14]

Во взрослом мире ребенку трудно достичь желаемого. Еще одна типичная ситуация детской лирики

Григорьева — подмена понятий, несоответствие желаемого действительному. Так, в его стихах возникает букет раков вместо букета маков («Букет»), простокваша вместо молока («Сидоров хотел выпить молоко»), карусели вместо качелей («Если»), Арлекин вместо Пьеро («Арлекин»), гора вместо ямы:

Копали яму глубоченную,
Получили гору высоченную [10, с. 50]

Окружающая действительность — мир парадоксов, в которых ребенку сложно разобраться. Интуитивно он ощущает его трагичность и двойственность: «Впереди меня всё хохотало, // а позади всё плакало» («Впереди и позади»); «Если где-то кому-то плачется, // значит, где-то очень хохочут» («Если»), «Очень хотелось плакать, // и потому он смеялся» («Весной»). Следует отметить, что по сравнению с героем-чудаком Хармса, герой детской поэзии Григорьева более раним и трагичен: там, где у Хармса — чистая радость, смех, эксцентрика, у Григорьева появляется обостренный внутренний нерв, трагизм от неприятия действительности, ее нелепости, ощущение собственной неустроенности.

Прием остранения предмета и ситуации, типичный для традиции обэриутов и также используемый Григорьевым, приводит к разрушению житейской логики и созданию в стихотворении новой логики — эстетической. «Как и у Хармса, эффект „детского зрения“ позволяет Григорьеву остранить моральную „невесомость“ советской повседневности — а может быть, и шире: человеческого общежития вообще» [11, с. 391-392].

Вспомним характерный текст Хармса «Что это было?», в котором остраненно создается портрет конькобежца:

Я шел зимою вдоль болота
В галошах,
В шляпе
И в очках.
Вдруг по реке пронесся кто-то
На металлических
крючках. [9]

Эффекты детской логики и зрения, приводящие к остраненному изображению, проявляются в таких стихотворениях Григорьева, как «Ноги и руки», «Пальто», «Что легче?», «Наоборот»:

Отец сказал сыну:
— Принеси полведра воды,
А потом еще принесешь половину.
— Лучше я принесу
Два полных,
А потом одно опрокину. [10, с. 47]

Человек шел спиною назад.
Ногами назад и затылком назад.
А может, он шел вперед?
Вперед, только наоборот. [10, с. 48]

Естественно появляющаяся в переходные эпохи и противостоящая официальной культуре и идеологии, поэтика абсурда в большей степени обнаруживает себя в стихах Григорьева, ориентированных на взрослую аудиторию, но также просматривается и в детских. «Функции абсурда различны: с одной стороны, он приводит к разрушению стереотипов мышления и восприятия, с другой стороны, позволяет обнажить искаженность, алогизм мышления и поведения человека [7, с. 3]. Логика абсурда объединяет такие тексты, как «Чудаки» Владимирова и «Дачник» Григорьева:

Дачник взял кошелек и корзину,
В лес пошел покупать малину.
Вернулся домой, не принёс ничего.
Ягоды есть, продавцов — никого! [10, с. 37]

Логика абсурда во многом диктуется и абсурдной советской действительностью, из которой свежий и наивный детский взгляд выхватывает наиболее странные явления — например, бессмысленную очередь:

Люди куда-то стоят
Прямо, потом назад,
<...>
Мы проверили с другом:

Ни лавки, ни продавца.
Люди просто стоят друг за другом —
Без начала и без конца. [10, с. 93]

Некоторые стихотворения Григорьева выглядят как стихотворные переложения «Случаев» Хармса¹. Так, типично по-Хармсовски абсурдистский сюжет разворачивается в стихотворении Григорьева «На собрании»:

Председатель Вова
Хотел взять слово.
Пока вставал,
Потерял слово.
Встал со стула
И сел снова... [10, с.57]

Еще один устойчивый прием поэзии Григорьева, также во многом восходящий к традиции обэриутов, — своеобразный пуант, парадоксальный конец стихотворения, обманывающий ожидания читателя. Неожиданные концовки у Хармса читатель найдет даже в самых житейских сюжетах: «Очень страшная история», «Тигр на улице», «Дворник дед мороз», «Удивительная кошка».

А вот типичный текст Григорьева:

Я взял бумагу и перо,
Нарисовал уют,
Порвал листок, швырнул в ведро —
В ведре раздался стук. [10, с. 64]

Одно из знаковых стихотворений Григорьева, давшее название его сборнику — «Говорящий ворон» — обнаруживает важный для поэтики авангардистов приём обманутого ожидания: вопреки названию, ворон не говорит с героем, не реализовывая свое главное качество:

Говорящий ворон на окошко сел
И моё жилище с грустью оглядел.
Он меня не очень оторвал от дел —
Не сказал ни слова, дальше полетел. [10, с. 54]

Стремительный синтаксис стиха Григорьева также отсылает к поэтике авангардистов: короткие, лаконичные, динамичные стихотворения построены на глаголах, обладают четким ритмом: в основном используется хорей. Как пишет современный исследователь обэриутов А.Кобринский, «в детскую литературу Хармс ввел в качестве главного стержня ритмический повтор, который организовывался на самых разных уровнях: синтаксическом, фонетическом, лексическом. Повторялись звуки, рифмы, слова, словосочетания, воспроизводились целые метрические фрагменты» [8, с. 43]. Подобная поэтика характерна для обэриутов в целом: на повторах и тавтологических рифмах построены «Иван Иваныч Самовар» Хармса, «Барабан» Владимирова, «Лошадка» Введенского.

В этой же стилистике написано стихотворение Григорьева «Картошка»:

Картошку копаем, картошку бросаем,
Картошку сгибаем, картошку несем,
Картошку толкаем, картошку катаем,
Картошку сгружаем, картошку везем!
<...>
Картошка, картошка, картошка, картошка...[10, с. 79-81]

Встречаются у Григорьева и прямые ситуативные переключки с Хармсом: мальчик с батонem и собака («Очень страшная история» Хармса и «Батон» Григорьева), неудачливый герой-художник («Крысаков и две собачки» Хармса, «Этюд» Григорьева), провалившийся в болото незнакомец из стихотворения «На кочке» (отсылка к «Ивану Топорышкину» Хармса), уходящий за горизонт путник («Из дома вышел человек...» Хармса и «Человек с зонтом» Григорьева) и т.д.

Таким образом, рассмотрение детской поэзии Олега Григорьева сквозь призму традиции обэриутов оказывается чрезвычайно продуктивным. Игровой характер поэтики авангардистов как нельзя был востребован Олегом Григорьевым: освоение наследия обэриутов в его творчестве происходило достаточно плодотворно. Очевидно, тема нуждается в дальнейшем развитии и осмыслении.

¹ Заметим, что есть у Григорьева и свои «случаи» — прозаические миниатюры из школьной жизни («В школу так в школу»).

1. Хворостьянова Е.В. Поэтика Олега Григорьева. СПб., 2002. 160 с.
2. Яснов М.Д. Вослед уходящей эпохе (заметки о жизни и стихах Олега Григорьева) // Детская литература. 1998. № 5-6. С. 9-14.
3. Леухина А.В. Особенности поэтики и эстетики литературного примитивизма // Вестник СамГУ. 2008. № 5/1(64). С. 17-22.
4. Давыдов Д.М. От примитива к примитивизму и наоборот (русская наивная поэзия XX века) // Арион. 2000. № 4. С. 81-95.
5. Житенев А.А. Эстетика и поэтика черного юмора: лирика О.Григорьева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 39-42.
6. Козлова С., Куляпин А. Отцы и дети в мире «черного юмора»: Д.Хармс и О.Григорьев // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. 2008. № 9. С. 92-109.
7. Черняк М.А. Петербургский акцент в литературе абсурда XX века. Об эффекте нарушения формальной логики // Библиотечное дело. 2014. № 24. С. 2-7.
8. Кобринский А.А. Даниил Хармс. М., 2008. 499 с.
9. Хармс Д. Стихи для детей [Электр. ресурс]. URL: http://lib.ru/HARMS/xarms_kids_poetry.txt (дата обращения: 01.02.2018).
10. Григорьев О.Е. Чудной народ. М., 2009. 126 с.
11. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950—1990-е годы. Пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. Т. 1. М., 2003. 413 с.

References

1. Khvorost'yanova E.V. Poehtika Olega Grigor'eva [The poetic manner of Oleg Grigoryev]. Saint Petersburg, 2002. 160 p.
2. Yasnov M.D. Vosled ukhodyashchey ehpoke (zametki o zhizni i stikhakh Olega Grigor'eva) [In the wake of the passing epoch (Notes on Oleg Grigoryev's life and poems)]. Detskaya literatura, 1998, no. 5-6, pp. 9-14.
3. Leukhina A.V. Osobennosti poehtiki i ehstetiki literaturnogo primitivizma [Specifics of poetics and aesthetics of literary primitivism]. Vestnik SamGU, 2008, no. 5/1(64), pp. 17-22.
4. Davydov D.M. Ot primitiva k primitivizmu i naoborot (russkaya naivnaya poehziya XX veka) [From primitive to primitivism and vice versa (Russian naive poetry of XX century)]. Arion, 2000, no. 4, pp. 81-95.
5. Zhitenev A.A. Ehstetika i poehtika chernogo yumora: lirika O.Grigor'eva [Black humour aesthetics and poetics: Oleg Grigoryev's lyric poetry]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika, 2009, no. 1, pp. 39-42.
6. Kozlova S., Kulyapin A. Ottsy i deti v mire «chernogo yumora»: D.Kharms i O.Grigor'ev [Fathers and sons in the world of black humour: Daniil Kharms and Oleg Grigoryev]. Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyy dialog, 2008, no. 9, pp. 92-109.
7. Chernyak M.A. Peterburgskiy aktsent v literature absurda XX veka. Ob ehffekte narusheniya formal'noy logiki [St. Petersburg tradition in absurd literature of XX century. On the phenomenon of formal logic breaking]. Biblioteknoe delo, 2014, no. 24, pp. 2-7.
8. Kobrinskiy A.A. Daniil Kharms. Moscow, 2008. 499 p.
9. Kharms D. Stikhi dlya detey [Poems for children]. Available at: http://lib.ru/HARMS/xarms_kids_poetry.txt (accessed: 01.02.2018).
10. Grigor'ev O.E. Chudnoy narod [Funny people]. Moscow, 2009. 126 p.
11. Leyderman N.L., Lipovetskiy M.N. Sovremennaya russkaya literatura: 1950—1990-e gody [Modern Russian literature: 1950—1990s]. In 2 vols, vol. 1. Moscow, 2003. 413 p.

Deryabina E.P. The traditions of OBERIU in the children's poems by Oleg Grigoryev. The article is devoted to OBERIU traditions in Oleg Grigoryev's poetry. Absurdity poetics which is peculiar for Grigoryev's poetry and also the eccentric hero, typical for his verses, have reflected the influence of OBERIU traditions.

Keywords: Oleg Grigoryev, Daniil Kharms, OBERIU, poetic tradition, poetry for children, absurd.

Сведения об авторе. Е.П.Дерябина — кандидат филологических наук, лектор русского языка и литературы, Нарвский колледж Тартуского университета (Эстония), Jelena.Derjabina@ut.ee.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.10.2018.